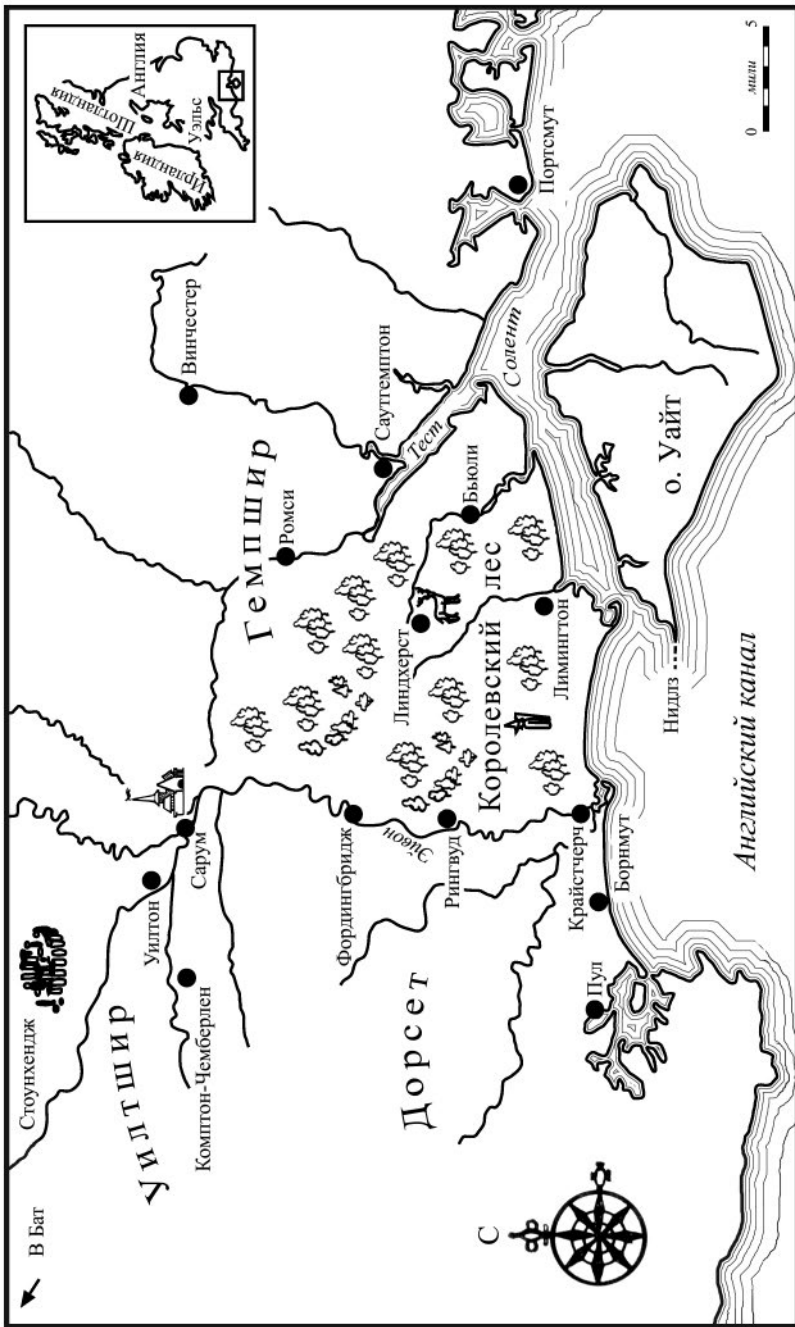

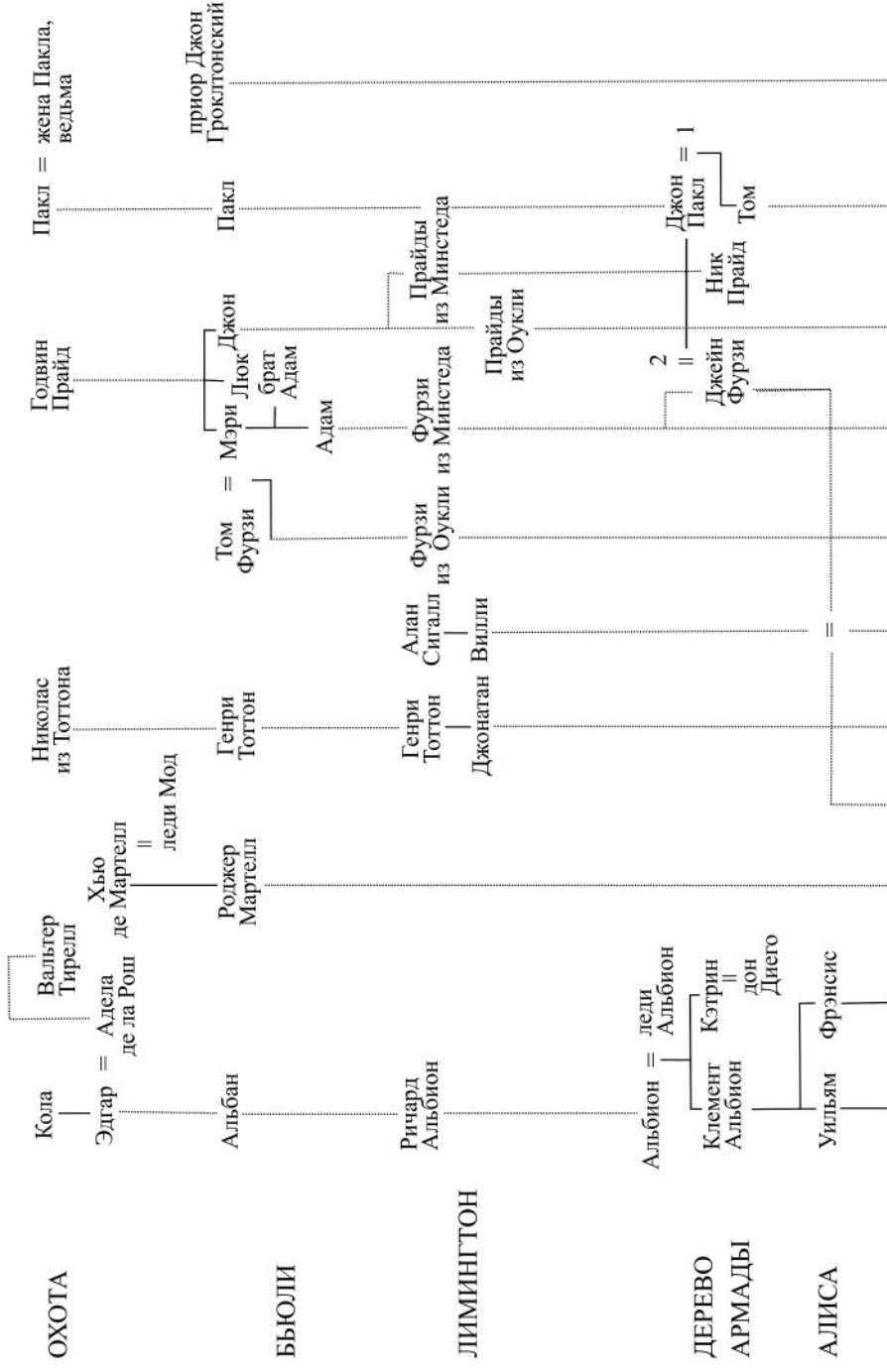
*Эта книга посвящена музею Нью-Фореста¹.
Вдохновение и восторг*

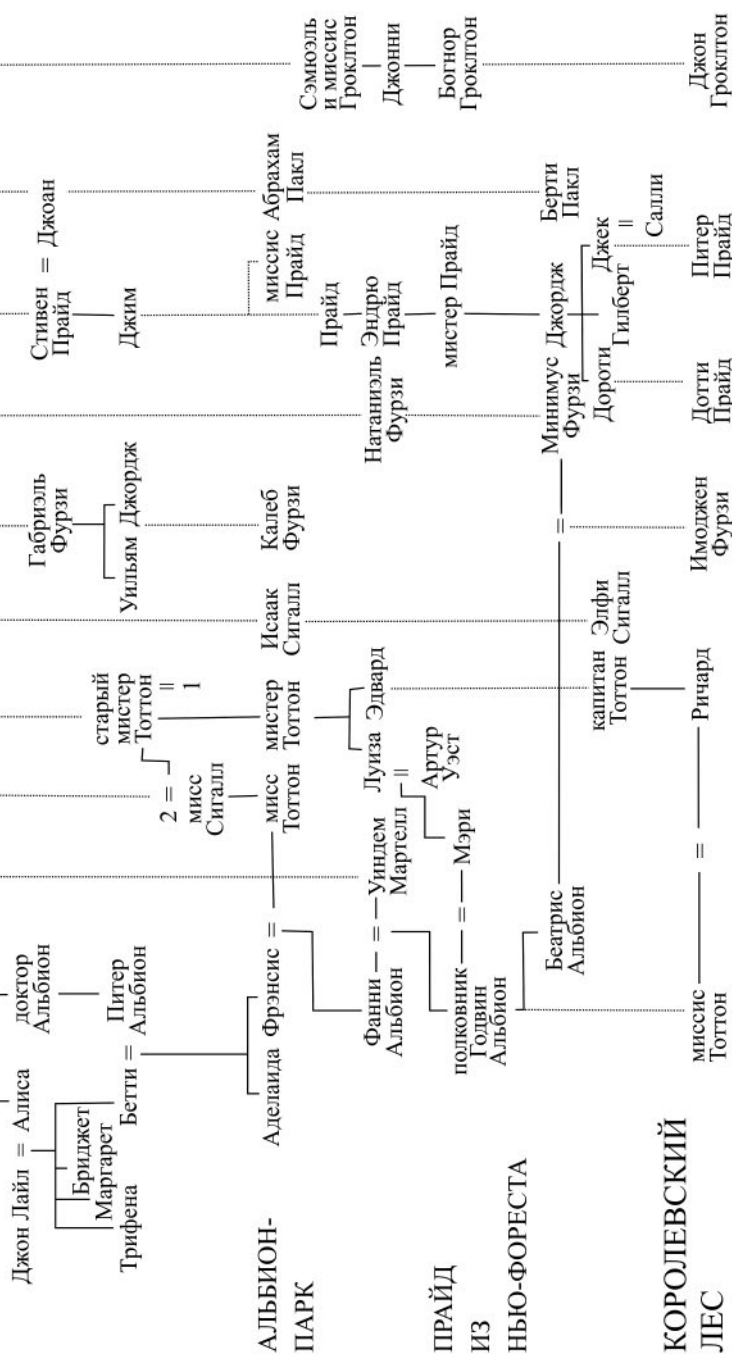
¹ *Нью-Форест (англ. New Forest) — Новый лес. — Здесь и далее примеч. перев.*

Содержание

Предисловие	13
КАМЕНЬ РУФУСА	16
ОХОТА	19
БЬЮЛИ	128
ЛИМИНГТОН	224
ДЕРЕВО АРМАДЫ	289
АЛИСА	382
АЛЬБИОН-ПАРК	491
ПРАЙД ИЗ НЬЮ-ФОРЕСТА	680
КОРОЛЕВСКИЙ ЛЕС	746
Благодарности	765

Предисловие

«Королевский лес» — это роман. Семейства, чьи судьбы в нем прослеживаются, вымышлены, как и их роли в описанных исторических событиях. Однако я неизменно старался помещать своих героев среди реальных людей и встраивать эти истории в события, которые либо произошли, либо могли произойти.

Альбион-Хаус, Альбион-Парк и деревушка Оукли — плоды авторского воображения. Все прочие места существуют в действительности. За тысячу лет топонимика Нью-Фореста в основном осталась прежней; в случаях, когда она изменилась, я использовал современные названия. Таким же образом, хотя я старался избегать анахронизмов, мне приходилось порой употреблять современный термин там, где исторический мог лишь запутать читателя.

Семейство Альбион вымышлено, однако Кола Егерь существовал на самом деле, а вот кузины Аделы у Вальтера Тирелла не было. Фамилия Сигалл¹ — чистый вымысел; Тоттон и Фурзи образованы от названий деревень. В Южной Англии много мест, в название которых входит слово «пак»², и я произвел от него фамилию Пакл. Мартелл — это фамилия, присутствующая в средневековых записях и указывающая на рыцарское звание. «Грокл» — уничижительное слово, которым в Нью-Форесте называют невежественного чужака, и я образовал от него фамилию Гроклтон. И наконец, фамилия Прайд³, хотя и широко распространена в Англии, была выбрана мной, исходя из

¹ Сигалл (англ. Seagull) — чайка.

² Пак (англ. Puck, у датчан Pokker) — в фольклоре фризов, саксов и скандинавов — лесной дух (подобный лешему у славян), пугающий людей или заставляющий их блуждать по чаще.

³ Прайд (англ. Pride) — гордость.

ее этимологии, поскольку мне хотелось подчеркнуть чувство гордости и собственного достоинства, присущее старинным семьям Нью-Фореста. Описание Годвина Прайда, архетипичного простолюдина из Королевского леса, подсказано фотографией покойного мистера Фрэнка Китчера, но те же черты заметны и в портретах представителей многих известных семейств Нью-Фореста, включая Мэнсбриджей, Смитов, Страйдов и Перкисов. Я подозреваю, что эти кланы уходят корнями в доримские времена.

Уместно привести несколько исторических справок.

КОРОЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМ РУФУС¹. Никто и никогда не узнает правды об убийстве Руфуса, но нам, вероятно, известно, где оно произошло. Я изучил доказательства почтенного историка из Нью-Фореста мистера Артура Ллойда, который считает, что убийство произошло не там, где установлен Камень Руфуса, а в Трухэме. Что касается роли семьи Перкисс, то я последовал за мистером Ллойдом и мистером Дэвидом Стэггом в предположении, что легенда о Перкиссе, вывезшем труп, сложилась позднее. Беседа Перкисса с королем Карлом — мой вымысел; деятельность этого старинного рода аттестуется ныне знаменитым продовольственным рынком в Брокенхерсте, без посещения которого никакое знакомство с Нью-Форестом не будет полным.

КОЛДОВСТВО. В воображении многих Королевский лес издавна связывается с колдовскими обрядами. Нам неоткуда узнать, какие формы они принимали. У меня нет ни личного опыта колдовства, ни желания его приобрести, но сейчас о викке, или ведьмовстве, написано столько, что я сложил о нем историю, которая, надеюсь, покажется правдоподобной. Я с интересом отмечаю, что многие ингредиенты того, что находилось в ведьминском котле, по своей сути — галлюциногены.

БИСТЕРНСКИЙ ДРАКОН. Я крайне признателен генерал-майору Дж. Х. Миллсу за разъяснения, чем был на самом деле этот дракон.

АЛИСА ЛАЙЛ. Этот знаменитый процесс хорошо описан. Для развития фабулы романа я позволил себе на этом этапе повествования смешать вымышленных Альбионов и Мартеллов

¹ *Руфус* (лат. Rufus) — рыжий. Вильгельм известен и как Вильгельм Рыжий.

с историческими фигурами Лайла и Пенраддока, но так, чтобы не погрешить против исторической правды. Исследования также выявили несоответствия в общепринятой версии этой легенды. В действительности Джон Лайл не выносил приговор полковнику Пенраддоку; кроме того, в легенде перепутаны две ветви Пенраддоков, проживавших в тех местах. Мне кажется, что чуть исправленная версия, предложенная в романе, намного ближе к исторической правде. Дочери Алисы Лайл существовали на самом деле, кроме Бетти, которую я выдумал.

ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЕ ДУБЫ. Я благодарен мистеру Ричарду Ривзу за то, что он привлек мое внимание к существованию трех чудодейственных дубов.

ИСПАНСКИЙ КОРАБЛЬ С СОКРОВИЩАМИ. Похоже, насчет этого корабля нет никаких официальных документов, однако местные свидетельства убедительно подтверждают его существование. Связь между замками Херст и Лонгфорд не доказана, хотя лично я в нее верю.

БАТ. Читателей может заинтересовать тот факт, что история о краже кружев в Бате основана на подлинном обвинении, выдвинутом против тетушки Джейн Остин.

ЛОРД МОНТЕГЮ. Сцены с участием лорда Генри (первого лорда Монтегю из Бьюли) вымышлены, но, как указано в романе, его роль в спасении Нью-Фореста — суцая правда.

КАМЕНЬ РУФУСА

Апрель 2000 года

Высоко над Сарумом пролетал небольшой самолет. Внизу, на обширных зеленых лужайках, застыл, как исполинский макет, величественный собор с устремленным в небеса острым шпилем. За пределами его территории мирно грелся на солнце средневековый город Солсбери. С утра прошел апрельский ливень, но сейчас небо расчистилось и обрело бледно-голубой цвет. Славный денек для маршрутной съемки, подумала Дотти Прайд. Не в первый раз она порадовалась, что работает на телевидении.

Можете думать про ее босса что хотите — а некоторые считали Джона Гроклтона скотом, — но он мастерски фрахтует самолеты. «Да он просто к тебе клеится», — заметил один оператор. Тут ничего не попишешь. Главное — сейчас она в «сессне», а утро отличное.

От Сарума долина Эйвона на двадцать миль тянулась через пышные зеленые луга прямо на юг, пока не достигала безмятежных вод гавани Крайстчерч. На западном берегу виднелись холмы Дорсета, на восточном раскинулось огромное графство Гемпшир с его древней столицей Винчестер и большим портом Саутгемптон. Дотти взглянула на карту. Между местом, где они находились, и морем на реке Эйвон было всего два ярмарочных городка. Фордингбридж, южнее на восемь миль, и Рингвуд, еще пятью милями дальше. В нескольких милях от Рингвуда она заметила местечко под названием Тиррелл-Форд.

Не достигнув Фордингбриджа, самолет взял курс на юго-восток. Они пролетели над низким холмом с дубовыми рощами.

И вот он под ними: огромный, блистательный, загадочный. Нью-Форест.

Мысль сделать сюжет о Нью-Форесте принадлежала Гроклтону. Недавно там случились беспорядки: агрессивные митинги, местные занялись поджогами. Телекамеры доставили еще несколько месяцев назад.

Но Гроклтон загорелся другой новостной темой. Исторический сюрприз. Толика зрелищной древности.

— Осветим как минимум это, — решил он. — Но может выйти и что-нибудь покрупнее: целое кино с массой подробностей. Пошарься там, Дотти. Несколько дней. Это красивое место.

Дотти подумала, что он и правда к ней клеится.

Возможно, впрочем, на уме у босса было и что-то еще. Все выяснилось накануне.

— Тебя что-нибудь связывает с Нью-Форестом? — поинтересовался он.

— Ничего такого не припоминаю, — ответила она. — А что?

— Меня вот связывает. В прошлом веке моя семья там здорово выделялась. По-моему, в нашу честь назвали целый лес. — Он послал ей улыбку. — Может, тебе понравится работать там. Если удобно, конечно.

— Да, Джон, — покосилась она. — Там будет видно, я это учту.

Они пролетели над лесопосадками и бурями вересковыми пустошами еще десять миль. Местность оказалась более голой и дикой, чем она ожидала, но в Линдхерсте, в центре Королевского леса, пейзаж изменился. Дубравы, зеленые поляны; открытые лужайки, где паслись крепкие нью-форестские пони; симпатичные домики с кирпичными или белеными стенами и крышей из соломы. Такой Нью-Форест она знала по почтовым открыткам. Они пролетели над старой дорогой, которая вела через центр Леса на юг. Внизу проплывали густые дубовые рощи. На поляне она успела заметить оленя. Они пролетели над деревней на огромной вырубке, и крошечные пони выглядели точками на открытых зеленых лужайках. Брокенхерст. Внизу появилась речушка с крутыми берегами, которая текла на юг через пышную долину. Везде Дотти видела милые домики с загонами и садами. Богато. На высоком пригорке с восточной, лесной стороны долины она заметила низкую и широкую приходскую церковь — очевидно, старинную. Болдрская церковь. Надо там побывать.

Спустя минуту они очутились над портом Лимингтона с его шумной пристанью. Справа, на границе каких-то болот, объяв-

ление на лодочном ангаре гласило: «Лодочная мастерская Сигалла».

В нескольких милях западнее находился Английский канал. Под ними — красивый участок пролива Солент, а дальше — зеленые склоны острова Уайт. По мере того как самолет летел на восток, Дотти оторвалась от карты и присмотрелась к береговой линии.

— Вон там, — удовлетворенно сказала она. — Должно быть, это он.

— Что? — спросил пилот.

— Трухэм.

— Никогда о таком не слышал.

— Никто не слышал. Но это дело поправимое.

— Желаете пролететь над Бьюли?

— Разумеется.

Это будут первые кадры. Далеко внизу дремало на солнышке очаровательное старое аббатство. Дальше, скрытый за деревьями, находился знаменитый автомобильный музей. Сделав круг, они вновь устремились на север к Линдхерсту.

Едва самолет миновал его и взял курс на северо-запад к Саруму, Дотти попросила пилота выполнить еще один круг. Всмотревшись вниз, она через несколько минут определила свою цель; ошибиться было невозможно.

Одинокий камень на краю лесной опушки. Невдалеке, на небольшой гравийной стоянке, была припаркована пара машин, и Дотти различила людей, стоявших перед маленьким памятником.

— Камень Руфуса, — сообщила Дотти.

— А-а! О нем-то я слышал, — отозвался пилот.

Из сотен тысяч туристов, ежегодно приезжающих в Нью-Форест, мало кто удерживался от посещения этого любопытного места. Камень обозначал то самое место, где, согласно девятисотлетнему преданию, нормандский король Вильгельм Руфус, прозванный Руфусом — Рыжим — за рыжие волосы, охотился на оленя и при загадочных обстоятельствах пал от стрелы. Наверное, это был самый прославленный в Южной Англии камень после Стоунхенджа.

— А не было ли там дерева? — спросил пилот. — Стрела отскочила и угодила в короля.

— Запросто. — Дотти увидела очередную машину, въезжающую на парковку. — Только похоже, что он погиб вообще не здесь.

ОХОТА

1099 год

Олениха встрепенулась, слегка задрожала, потом прислушалась.

Серо-черная весенняя ночь по-прежнему укрывала небо, как одеяло. Вдоль края леса сырой воздух отдавал торфянистым запахом вереска, смешанным с другим, от палой листвы, слабым и затхлым. Стояла тишь, как будто вся Британия застыла в предрассветном безмолвии, ожидая каких-то событий.

Затем вдруг во тьме запел жаворонок. Только он разглядел, как начал бледнеть горизонт.

Олениха недовольно повернула голову. Что-то приближалось.

Пакл шел через лес. Таиться было незачем. Когда он шуршал листьями или наступал на сучок, его можно было принять за барсука, кабана или другого обитателя леса.

Слева по темным туннелям, образованным ветвистыми дубами, промчался звук — пронзительный крик неясности.

Пакл. Носил это имя его отец, дед или еще какой-нибудь дальний предок? Пак — одно из странных старых названий, которые загадочно появлялись на английской земле. Пак-Хилл: на южных берегах таких было несколько. Возможно, оттуда имя и пошло. Возможно, оно означало «маленький человек»: крошка Пак. Никто не знал наверняка. Но, получив это имя, клан ни разу не потрудился найти другое. Старый Пакл, юный Пакл, еще какой-то Пакл: всегда сохранялась некоторая неразбериха, кто есть кто. Когда слуги нового нормандского короля вышвырнули всю их семью из родной деревушки, они какое-то время скитались по Нью-Форесту и в результате разбили убогий лагерь возле ручья, который бежал к реке Эйвон на запад-

ной окраине леса, а недавно перебрались к другому ручью, на несколько миль южнее.

Пакл. Имя ему подходило: коренастый, узловатый, как дуб, широкие, чуть опущенные плечи. Пакл часто помогал углежогам. Его приходы и уходы оставались загадкой даже для лесных жителей. Порой, когда костер озарял его напоминающее дубовую кору лицо красноватым светом, Пакл смахивал на гоблина. И все-таки дети так и липли к нему, когда он ходил по деревушкам, где ставил ворота и плел изгороди, что выходило у него лучше всего прочего. Детям был по душе его спокойный нрав. Женщины обнаруживали, что их странно влечет некое внутреннее тепло, которое они улавливали в лесном человеке. В его стойбище у воды всегда висели голуби, на колышках были аккуратно растянуты шкурки зайцев и другой мелкой живности, а то еще попадались остатки форели, дерзнувшей пойти бурными ручейками. Тем не менее животные почти не чурались его, явно принимая за своего.

Сейчас Пакл, шагающий сквозь тьму, в грубой кожаной куртке, надетой на голое тело, в прочных кожаных башмаках, походил на древнего человека.

Олениха, а точнее, лань осталась стоять, вскинув голову. Она немного отбилась от остальных, которые еще мирно щипали молодую весеннюю траву на опушке.

Хотя у оленей хорошее зрение и отменное обоняние, при всякой угрозе, особенно учуянной с подветренной стороны, они часто полагаются на слух. Олень способен уловить хруст ветки даже на огромном расстоянии. Олениха уже распознала, что шаги Пакла удаляются от нее.

В Королевском лесу водилось три вида оленей. Издревле принцами этого места были крупные благородные олени с красновато-бурыми шкурами. Кое-где обитали забавные косули — нежные мелкие создания чуть больше собаки. Однако недавно нормандские завоеватели завезли новый вид: стройную лань.

Оленихе было около двух лет. Шкура пятнистая, так как зимний багровый окрас менялся на маскировочный летний: светлый, кремово-коричневый с белыми пятнами. Как практически у каждой лани, у нее были белый крестец и черный хвост, но по какой-то странной прихоти природы шкура была чуть светлее обычного.

Но ее можно было идентифицировать и без учета этой особенности, поскольку у всех оленей отметины в тыльной части слегка различаются. У каждого есть кодовая метка, как отпечаток пальца у человека, только намного более заметная. Таким образом, эта лань была уже уникальна. Но природа добавила еще и более бледный окрас — возможно, людям на радость. Олениха была красивой самкой и в сезон осеннего гона должна была найти себе пару, если только ей не суждено было погибнуть от рук охотника.

Инстинкты призывали лань оставаться настороже. Она повернула голову влево, потом вправо, прислушиваясь к другим звукам. Затем напряженно уставилась вдаль. Темные деревья, окутанные мраком, казались призрачными тенями. Сломанная ветка с ободранной корой напоминала пару рожек, а небольшой ореховый куст — какое-то животное.

В лесу не все бывало тем, чем казалось. Прошли долгие секунды, прежде чем она, наконец успокоившись, опустила голову.

Небо на востоке посветлело. И окрестности огласились птичьими голосами. В вереске защебетал со своего насеста в утеснике чекан, в темноте похожий на желтый штырек. Звонкие трели славки разнеслись по лесу; затем в листве взалхлеб залился песней черный дрозд. Где-то за ним дробно застучал дятел; через пару секунд нежно заворковала горлица. И дальше вступила кукушка, голос которой эхом разнесся по лесной опушке. Так каждый певец обозначал с приближением весенней брачной поры свое маленькое царство.

Но звонче всех высоко в небе над вересковой пустошью пел жаворонок, приветствуя первый луч восходящего солнца.

Лошади всхрапывали. Люди переминались с ноги на ногу. Собаки задыхались от нетерпения. Двор наполнился запахами конюшни и дыма от костров.

Пора было на охоту.

Адела наблюдала за ними. Собралось уже человек десять: охотники в зеленом с перьями на шляпах, несколько рыцарей и местных сквайров. Она умоляла взять ее, и кузен Вальтер ворчливо согласился лишь после напоминания: «Я хоть буду на виду. Ты же должен подыскать мне мужа».

Для молодой женщины в ее положении это было непросто. После смерти отца прошел всего год, холодный и безрадостный. Мать, бледная и вдруг высохшая, ушла в монастырь. «Так со-

хранится мое достоинство», — сказала она Аделе и отдала девочку на попечение своих родственников, тем самым оставив ее без всякого приданого, кроме доброго имени и нескольких десятков акров захудалой земли в Нормандии. Родня сделала все, что могла, и вскоре обратилась мыслями к английскому королевству, где, с тех пор как нормандский герцог Вильгельм его захватил, обрели поместья сыновья из многих нормандских семей — сыновья, которые, возможно, будут рады обзавестись франкоязычной женой с родины. «Из твоих родственников, — сказали ей, — лучше всех устроился и сможет помочь кузен Вальтер Тирелл. Он сам заключил блистательный брак». Вальтер породнился с могущественным семейством Клэр, чьи английские поместья были огромными. «Вальтер найдет тебе мужа», — добавили родственники, но кузен так никого и не нашел. Адела начала сомневаться, может ли она доверять Вальтеру.

Двор был типичным для поместий саксов в этом регионе. Большие деревянные, похожие на амбары строения с соломенными крышами окружали его с трех сторон. Стены были сложены из массивных темных досок. Огромный дом в центре двора привлекал внимание главным входом, украшенным искусной резьбой, и наружной лестницей, ведущей на верхний этаж. Поместье находилось недалеко от чистых и мирных вод Эйвона, струившихся от меловых утесов к замку Сарум, расположенному в пятнадцати милях к северу. В нескольких милях вверх по течению была деревня Фордингбридж; вниз — городок Рингвуд, а восемью милями дальше Эйвон впадал в небольшую гавань, защищенную от открытого моря мысом.

— Идут! — раздался возглас, когда отворилась дверь дома и вышли предводители отряда.

Первым появился жизнерадостный Вальтер, затем сквайр, а следом — человек, которого ждали: Кола.

Кола Егерь, владелец поместья и хозяин Королевского леса, был немолод, но сохранил отличную фигуру: высокий, статный, с широкой грудью. И хотя его волосы и длинные висячие усы поседел, а тело утратило былую гибкость, двигался Кола с грацией старого льва. Это был саксонский аристократ до мозга костей. Возможно, после прихода нормандцев он в глубине души и ощущал некоторую потерю достоинства, однако Адела видела, что старые глаза Колы еще способны метать молнии.

Правда, она поймала себя на том, что глядит не на Колу, а на его сыновей, следующих за ним вплотную. Их было двое, обо-

им за двадцать, но один, как она прикинула, был на три-четыре года постарше. Рослые и красивые, с длинными светлыми волосами, короткими бородами и ярко-голубыми глазами, они, по ее мнению, наверняка были копией отца в молодые годы. Ступали легко, упруго, с таким благородством, что Адела инстинктивно залюбовалась ими. Как хорошо, что эти саксы, в отличие от многих других, проигравших ее соотечественникам, сумели удержать поместье! Адела даже улыбнулась своим мыслям. Она была не в силах отвести от парней глаз, и ей даже пришлось себя одернуть, поскольку поймала себя на том, что думает, как, должно быть, прекрасны их тела без одежды.

Через пару минут, как только солнце выглянуло из-за далеких дубов, весь отряд — человек двадцать — выступил в путь.

Долина Эйвона, которую они покидали, была восхитительным местом. Минувшие геологические эпохи проложили на широкой прибрежной равнине, окруженной голыми меловыми хребтами Сарума, галечные русла. С тех пор спускающаяся река проторила на юг широкий мелкий проход; ее берега превратились в низкие каменистые холмы, одетые в деревья; за бесчисленные века вода плавно нанесла плодородные наслоения. Между Фордингбриджем и Рингвудом долина была мили две в ширину, и хотя безмятежная река, которая теперь протекала через пышные поля, превратилась в струйку по сравнению с ее былым величием, порой после весенних дождей она выходила из берегов и заливала окрестные луга искрящейся водой, словно напоминая миру, что издревле здесь хозяйка.

Адела ни разу не выезжала на такую охоту и чувствовала приятное возбуждение, но ей было еще и любопытно. Она знала, что конечная точка их путешествия находится сразу за восточным хребтом долины Эйвона, и просилась в компанию отчасти из желания обследовать эту дикую местность, о которой много слышала. Вскоре, миновав небольшой ручей и одинокий исполинский дуб, отряд достиг подножия хребта. Они выехали на извилистую тропу с дубами, остролистом и кустарником по обе стороны. По мере подъема Адела заметила каменистые пропешины.

Однако ее застало врасплох и породило легкий вздох удивления то, что, когда они поднялись на вершину, лес резко кончился, распахнулось небо, обозначился горизонт и она очутилась в совершенно другом краю.

Адела не ожидала подобного. Впереди, насколько хватало глаз, простиралась вересковая пустошь. Желтоватое солнце, еще находившееся низко над горизонтом, только начинало рассеивать утренний стелящийся туман, покрывший местность словно нитями паутины. Поросший папоротником и вереском хребет, на который поднялся отряд, с обеих сторон имел продолговатые пологие склоны, переходившие в широкие низины: слева — болото; справа — ручей с галечным дном и каменистыми берегами. Вереск же всюду перемежался кустами и утесником с желтыми цветами. На другой возвышенности, в миле от этой, линию горизонта ломали заросли остролиста. А следующий, дальний хребет порос дубами, как и тот, что был позади них.

Было здесь и еще кое-что. Глянув на торфяной дерн под копытами лошади, Адела заметила камешки — такие белые, что казалось, они светятся, а затем, снова посмотрев в небо и втянув в себя воздух, испытала странное чувство: где-то рядом должно быть море, пускай и не видное ей.

Живут ли в этой бескрайней дикой местности люди? Есть ли здесь деревни, уединенные усадьбы или хижиньки? Она предположила, что да, но ничего подобного в поле зрения не попало. Все было пустынно, безмолвно, первобытно.

Значит, вот он какой, Нью-Форест короля Вильгельма Завоевателя.

Слово «форест», заимствованное из французского, означало не «лес», хотя здесь были огромные леса, а территорию вне дома, в данном случае заповедные земли для королевской охоты. Здешние олени, в частности, находились под защитой жесточайших лесных законов. Убьешь королевского оленя — лишишься руки, а то и жизни. А поскольку нормандский завоеватель лишь недавно прибрал этот край к рукам, Нью-Форест — Nova Foresta на латинском, на языке официальных документов, — так нынче и назывался.

В средневековом мире ничто не полагалось новым. Для каждого новшества искали старинный прецедент. Саксонские короли, разумеется, охотились здесь с незапамятных времен. Поэтому нормандский завоеватель, узнав, что здешние места уже два поколения как находятся под строгим лесным законодательством — еще со старых добрых деньков короля Кнуда, издал подтверждающую сей факт хартию.